

ТЕОРИЯ БОГА

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ
БОГА В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

БЕРНАРД ХАЙШ

Бернард Хайш

ТЕОРИЯ БОГА

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ
БОГА В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

УДК 12.21.51

ББК 86.30

X15

Перевод с английского Е. Мирошниченко

Хайш Бернард

X15 Теория Бога: Доказательство существования Бога в современной науке/ Перев. с англ. — М.: ООО Издательство «София», 2010. — 224 с.

ISBN 978-5-399-00154-8

Книга «Теория Бога» предлагает нам взгляд на мир, в котором самая современная наука сплавлена с древним мистическим знанием, — гремучая смесь, пробуждающая настоящую революцию в нашем сознании.

В этой книге ученый-астрофизик, сделавший открытия, которые человечество сумеет оценить и применить еще очень не скоро, утверждает, что наука объясняет Бога, а Бог — науку. Сознание не является случайным побочным результатом работы мозга: оно представляет собой наш канал связи с Богом — истинным воплощением этого самого сознания.

Эта книга предназначена для всех мыслящих людей — от старшекласника до нобелевского лауреата.

УДК 12.21.51

ББК 86.30

Copyright © 2006 Bernard Haisch

The God Theory. Universes, Zero-Point Fields, and What's Behind It All
Published under arrangement with RED WHEEL WEISER & CONARI PRESS,
Newburyport, MA, 01950-4600, U.S.A. All rights reserved.

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

ISBN 978-5-399-00154-8

© «София», 2010
© ООО Издательство «София», 2010

Содержание

Похвалы книге «Теория Бога»	7
Предисловие	9
Введение	14
<i>Глава 1</i>	
Мой жизненный путь	19
<i>Глава 2</i>	
Задавая фундаментальные вопросы	34
<i>Глава 3</i>	
Объяснение Творения	50
<i>Глава 4</i>	
Редукционизм и духовный взгляд на мир	59
<i>Глава 5</i>	
Что такое сознание	78
<i>Глава 6</i>	
Поле нулевых колебаний	106
<i>Глава 7</i>	
В пустоту	119

<i>Глава 8</i>	
Вслед за светом	138
<i>Глава 9</i>	
Бог и единая теория	150
<i>Глава 10</i>	
Бесконечное число вселенных.....	185
<i>Глава 11</i>	
Осмысленная вселенная	200
Библиография	219
Об авторе.....	221

Предисловие

За последние два десятилетия в астрофизике как-то постепенно вызрело удивительное открытие, правильность которого теперь уже практически ни у кого не вызывает сомнений: *некоторые физические константы в нашем мире имеют то единственное значение, какое нужно, чтобы обеспечить возникновение жизни*. В принципе эти константы могли бы быть совершенно другими, однако в ряде случаев они вписались в довольно узкие (всего несколько процентов) рамки значений, позволяющих нам жить в этой вселенной. Сэр Мартин Риз — королевский астроном* и один из величайших космологов в мире — в своей научно-популярной книге «Всего шесть чисел» (*Just Six Numbers*) написал: «Наше рождение и выживание здесь стало возможно лишь благодаря очень тонкой «настройке» Космоса, — Космоса, который, может быть, намного обширнее, чем наблюдаемая ныне вселенная».

В основе современной науки лежат такие идеи, как материализм, редукционизм и вера в случайность.

Материализм — это вера в то, что реальность состоит исключительно из материи и энергии — вещей, которые можно измерить в лаборатории или наблю-

* До 1972 — звание директора Гринвичской астрономической обсерватории.

дать в телескоп. Все остальное — иллюзии или игра воображения.

Редуccionизм — это вера в то, что сложные вещи можно объяснить через анализ их составляющих. Примером может служить иллюзия того, что сознание порождается элементарными химическими процессами в мозгу.

Вера в случайность — это убеждение в том, что природные процессы подчиняются законам вероятности в рамках возможного.

С такими верованиями мы имеем один, и только один, способ объяснить тонкую настройку нашей вселенной. Нам приходится допустить существование бесконечного числа вселенных, каждая из которых обладает своими уникальными физическими свойствами — случайными и отличными друг от друга. И наша вселенная кажется нам такой особенной лишь в силу того, что *в других условиях мы никогда не возникли бы*. Существование людей возможно лишь во вселенной такого типа, как наша, а значит, идея о специальной тонкой настройке — заблуждение.

Такой взгляд чреват тремя проблемами.

Прежде всего, ключевым фактором космологических инфляционных теорий, представляющих собой попытку описать, каким образом возникла наша вселенная (и мириады других), являются квантовые флуктуации*. Проблема состоит в том, что квантовые флуктуации предполагают существование *квантовых законов*. Если бы не существовало квантовых —

* *Флуктуации* (от лат. *fluctuatio* — колебание) — случайные отклонения физических величин от их средних значений. — *Прим. перев.*

и вообще никаких — законов, ничто не могло бы и происходить. Нет законов — нет действия. Рождение вселенных в результате работы квантовых законов, инфляционных полей или каких-то еще загадочных свойств мироздания, описываемых *теорией струн*, возможно только при условии существования этих самых законов, полей и свойств. Так что даже самому скептически настроенному ученому неизбежно придется принять их на веру.

Вторая проблема состоит в том, что мы не можем наблюдать ни одну другую вселенную даже в принципе, поскольку любые попытки проводить замеры во вселенных с другими фундаментальными законами природы приведут к таким же результатам, как попытка исследовать Луну при помощи микрофона или записать музыку при помощи телескопа. Так что современному ученому приходится принять на веру еще один догмат: *существование бесконечного числа незримых вселенных*.

Последняя проблема носит особенно интимный характер. Если мы — не что иное, как физические сущности, случайно возникшие в хаотичной вселенной, тогда получается, что в нашей жизни не может быть никакой высшей цели. Эта новость не просто неприятна для каждого из нас индивидуально — она изрядно подмывает морально-этический фундамент человеческого общества и цивилизации.

В этой книге я предлагаю теорию, которая подразумевает наличие цели в жизни и в то же время полностью согласуется со всем, что мы узнали о вселенной и о жизни на Земле, — включая теорию Большого Взрыва,

возраст нашей планеты (4,6 миллиарда лет) и, конечно же, теорию эволюции. Единственное различие между предлагаемой мною теорией и идеями, преобладающими в современной астрофизике, состоит в том, что я исхожу из предположения, что всем явлениям мира предшествует некое бесконечное сознание, или разум. Мы не можем не думать, что возникновению мира, как мы его знаем, что-то предшествовало — и современная наука не в состоянии точно установить, был ли это набор физических законов, породивших бесконечное число вселенных со случайными свойствами, или же некое бесконечное сознание. Причем в действительности ни одно из этих двух допущений не является более разумным, чем другое.

Кто-то возразит, что один из этих взглядов подкреплен свидетельствами, а другой — нет. С этим я согласен на все сто процентов. Есть множество свидетельств существования бесконечного всеобъемлющего Сознания — на протяжении всей человеческой истории они приходят к нам от мистиков, а также из опыта, обретаемого самыми разными людьми в медитациях, молитвах, а иногда и спонтанно. Свидетельств же того, что существует множество случайным образом образовавшихся вселенных, — ноль. Большинство ученых склонны пренебрегать свидетельствами первого типа, считая их сугубо субъективными, но такой подход ведет всего лишь к уравниванию счета: ноль—ноль.

Я предлагаю концепцию бесконечного, обладающего бесконечным же потенциалом Сознания — можно называть его Богом, — чьи идеи стали законами физики в нашей и в других вселенных и чья цель при созда-

нии вселенных состоит в трансформации потенциала в опыт. Разница между способностью сделать что-то и реальным деланием огромна. Фундаментальное различие между теорией и практикой состоит в активной реализации замысла — в возможности пережить происходящее на опыте, смакуя все оттенки ощущений. Играть в игру намного приятнее, чем читать правила.

Астрофизик сэр Джеймс Джинс писал в 1930-х годах: «...*Вселенная представляется нам более похожей на великую мысль, чем на огромную машину*». Вот и я, формулируя «Теорию Бога», предполагаю, что именно Сознание является источником материи, энергии и законов природы в этой вселенной и во всех других вселенных (если они существуют). А цель мироздания состоит в том, чтобы Бог реализовал свой потенциал на опыте. Через жизнь каждого разумного существа идеи и способности Бога превращаются в Божественный опыт. Можно ли вообразить более великую цель для каждого из людей, чем создание Божественного опыта? Через нас Бог постигает все богатство собственного потенциала, ибо мы — его воплощения в физической реальности.

Собственно, об этом и пойдет речь в нашей книге.

Введение

Многие современные религиозные догмы о Боге, природе и судьбе человечества ущербны и иррациональны. Они ничуть не приближают нас к разрешению фундаментальных парадоксов бытия: например, почему с хорошими людьми происходят плохие вещи и почему кто-то рождается в роскоши, а кто-то с первых дней жизни познает голод и нищету. Более того, глубокие противоречия между мировыми религиями постоянно подогревают насилие и ненависть, которые и без того терзают планету. С другой стороны, не менее иррациональной и ущербной является готовность некоторых людей именем науки презрительно отвергать все, на что только можно навесить ярлык «сверхъестественное».

В результате трех десятилетий профессиональной научной деятельности и целой жизни духовного поиска я пришел к определенному личному мировоззрению, которое обеспечивает удовлетворительное и оптимистическое объяснение реальности. Мало того что это мировоззрение правдоподобно, рационально и согласуется с достижениями современной науки — оно просто красиво... и дает ключи к разрешению некоторых наиболее сложных моральных вопросов современности. Эти идеи несут в себе решение стоя-

щих ныне перед миром проблем — и я с удовольствием предлагаю их вниманию читателя.

Сразу оговорюсь: я не претендую на то, что напрямую беседую с Богом. Говорить так мне не позволяет научное воспитание. На самом деле, если Бог мне когда-либо и позвонит, то, скорее всего, мой номер окажется занят... правда, тогда Он мог бы попытаться связаться со мной по электронной почте. И именно из-за того, что я являюсь профессиональным ученым, написание этой книги — затея достаточно рискованная для моей репутации.

И, вступая в эту игру, я делаю ставку на то, что найдется достаточно широкая аудитория читателей, которых заинтересует рациональная духовность, способная привести мир к большей терпимости и к новому росту.

Я делаю ставку на то, что среди твердолобых редуccionистов, которые пытаются объяснять любые явления через сумму их составляющих и встречают язвительными насмешками любые упоминания о духовности, а также среди слепо религиозных людей, получивших свою веру в готовом виде от пророков и проповедников, все же найдется некоторое количество философских центристов — доброжелательных, открытых, скептически настроенных и при этом свободных душ, готовых непредвзято исследовать собственную природу.

Я делаю ставку на то, что эти любознательные души — к которым я причисляю и самого себя — присоединятся ко мне в исследовании творений Бога, этого Великого Искусника, Который, несмотря на все

Свое могущество, способен постигать материальную реальность на опыте только вместе с нами и через нас — а также через все остальные существа, живущие в этом огромном мире.

Я предлагаю вам Бога, Чьи замыслы каким-то образом воплотились в законах природы, лежащих в основе нашей вселенной. Я предлагаю Бога, Чьи бесконечно разнообразные идеи смогли дать начало Большому Взрыву около 14 миллиардов лет назад, а также всем остальным множествам вселенных, чье существование предсказывает астрофизическая инфляционная модель мироздания. Различие между моим мировоззрением и редукционизмом, преобладающим в современной науке, состоит в том, что редукционисты в своих теоретических построениях исходят из веры в существование неких загадочных, изначально сущих и хаотично реализуемых «законов природы», — дескать, именно вследствие действия этих законов рождаются вселенные, начисто лишённые какого бы то ни было смысла и цели. Я же предполагаю существование некоего бесконечного разума, являющегося источником нашей вселенной и всех остальных вселенных, существование которых постулирует современная астрофизическая теория инфляции*.

* *Хаотическая теория инфляции* — сценарий развития Вселенной для инфляционной модели Вселенной. При некоторых предположениях появляется возможность существования во Вселенной областей с различными элементарными частицами и законами их взаимодействия. (Википедия, Андрей Линде. «Хаотическая инфляция. Инфляция, квантовая космология и антропный принцип». Лекция, прочитанная на конференции «Science and Ultimate Reality: From Quantum to Cosmos», опубликовано в архиве препринтов.)

При написании этой книги я делаю ставку на то, что внимательное изучение духовных реальностей будет интересно тем критически настроенным редукционистам, которых одолевают (неотступные и, может быть, втайне приятные) подозрения, что, возможно, жизнь нельзя свести к физическим уравнениям. А еще — предлагаемая мною теория может заинтересовать людей, которые скованы догмами какой-либо организованной религии, но при этом все же открыты для идеи о по-настоящему великодушном Божестве.

У меня нет ни малейших сомнений, что научные открытия нового тысячелетия подтвердят, что богатый внутренний мир сознания, который мы все разделяем, представляет собой нечто большее, чем просто эпифеномен* нейрофизиологических процессов. Не сомневаюсь, что в ближайшее время мы поймем, каким образом сознание на фундаментальном уровне создает материю — а не наоборот. Этот взгляд глубоко корнями уходит в древние мистические традиции, хотя современное ученое сообщество и считает его ересью. Но я готов поставить все свои деньги на следующий прогноз:

Когда наука полностью интегрирует накопленные за последние три столетия разнообразные знания о физическом мире, она переключится на новое увлекательнейшее направление исследований. В основе этого направления будет лежать признание того, что сознание является совершенно реальным созидательным фактором

* Сопутствующее, побочное явление какого-либо другого явления. — Прим. перев.

во Вселенной, и понимание, что эта духовная творческая сила воплощена также и в нашем разуме.

В этой книге собраны плоды размышлений пытливого ученого с незашоренным сознанием. Я предлагаю вам всего лишь многообещающую теорию, а не неопровержимые научные доказательства. Однако не следует удивляться, если какие-то мои идеи совпадут с концепциями людей, которые претендуют на более близкие взаимоотношения с Всемогущим. В конце концов, если я нащупал верную тропу и если их путь тоже верен, то было бы странно, не будь между нами точек соприкосновения. Все, чего я прошу от читателя, — это серьезно проследить логику, стоящую за моей теорией. Это особенно важно в том случае, если мои идеи побуждают вас поставить под вопрос то, чему вас учили — в воскресной ли школе, или в катехизисе, или (страшно подумать!) на уроках физики.

Я задумывал эту книгу не как теологический трактат, но как краткое удобочитаемое изложение мировоззрения, которое способно привнести в жизнь отдельного человека цель и смысл, а в жизнь планеты — терпимость и мир. Ведь наша Земля сейчас пребывает в серьезной опасности — и не в последнюю очередь источником угрозы служит иррациональный догматизм, свойственный как религиям, так и науке.

Но если я прав, то все мы буквально являемся единым существом (Богом), проявленным во множестве индивидуальных форм. Какой тогда смысл вредить друг другу?

Мой жизненный путь

Семена, из которых впоследствии выросло ощущение смысла в моей жизни, были посеяны в очень раннем возрасте. Я родился в немецком городе Штутгарте. Родители переехали в США, когда мне было три года. Они отправились в Индиану вслед за маминой сестрой, перебравшейся туда сразу после войны. Послевоенная Германия была довольно унылым местом (даже в 1950-е годы), и Америка виделась золотоносной страной неограниченных возможностей. Тетушка посылала маме преувеличенно оптимистические письма по поводу пекарни, продававшейся где-то на юге Индианаполиса, — дескать, предприятие стоит сущие копейки и мы могли бы наладить бизнес вместе. Когда мои родители прибыли в Штаты — с несколькими чемоданами багажа, весьма скудным капиталцем и одним ребенком на руках (мною), — выяснилось, что идея приобретения пекарни была, мягко говоря, немного недопеченной. И я рад этому обстоятельству. Ведь в противном случае я мог бы стать пекарем и моя книга была бы о вкусной и здоровой пище.

В раннем детстве моим воспитанием занималась матушка (ревностная католичка) и строгие сестры, заправлявшие в приходской школе святой Катерины Сиенской (город Индианаполис). Каждый учебный день они начинали с мессы, полагая, что именно совместное богослужение наилучшим образом подготавливает юные умы к чтению, письму, арифметике и, конечно же, катехизису. Мама мечтала, что я стану священником, и, вне всяких сомнений, неустанно посылала Небесам молитвы об этом.

Что ж, карьера священника, несомненно, намного более увлекательна, чем ремесло пекаря... но науку я любил с самого детства. Не помню времени, когда я не хотел бы стать ученым — причем именно астрономом. Существуют вещи, которые просто *знаешь* — особенно в детстве, когда твой мир еще не отягощен грузом неуверенности и сомнений, непрестанно растущим с годами. Дитя поколения Спутника*, я заворуженно смотрел по телевизору программы о космических путешествиях. Много лет спустя в нью-йоркском музее радио и телевидения я увидел эпизод из приключений База Корри и курсанта Хэппи, который вполне мог послужить начальным толчком моей карьеры на ниве космических исследований**. Я поразился, до чего там все примитивно: Баз бороздил просторы галактики, управляя своим межпланетным кораблем при помощи одного-единственного рычага-штурвала. Да-а-а, ему жилось несравненно проще, чем, например, капитану

* В оригинале — русское слово *Sputnik*. — Прим. ред.

** Имеется в виду сериал «Космический патруль» (*Space patrol*). — Прим. перев.

Кирку и командеру Скотти*, какое-нибудь десятилетие спустя пронзавшим космос на своем корабле с гиперпространственным двигателем.

В общем, к первому классу я испытывал удивительную уверенность в том, что стану астрономом, когда вырасту. Я живо воображал себе, как исследую иные миры при помощи гигантского телескопа — наподобие 200-дюймового рефлектора на горе Паломар. И хотя мое воображение явно выходило очень далеко за рамки того, что может показать нам даже столь мощный телескоп, эти мечты казались очень реальными. Было отрадно осознавать, что на ниве астрономии мне предстоит великие свершения — многие и многие открытия только и ждут того, чтобы я их сделал.

В силу горячей религиозности моей матери, с одной стороны, и собственного увлечения космосом, с другой, я с раннего детства был горячо убежден, что стану священником-астрономом, как открывший первый астероид отец Джузеппе Пьяцци или отец Анджело Сечи, который в XIX столетии предложил классифицировать звезды по их спектру. Став старше, я выяснил, что и в наше время эти два призвания не являются несовместимыми. Весьма почитаемые в научных кругах астрономы есть среди отцов-иезуитов. В XVIII и XIX столетиях католическая церковь владела несколькими обсерваториями в Риме. А на горе Грэхем в Аризоне (в непосредственной близости от знаменитой национальной обсерватории на горе Китт-Пик) и ныне действует основанная еще в 1891 официальная обсер-

* Герои фантастического сериала «Звездный путь» (*Star track*), выпускавшегося начиная с 1966 года. — *Прим. перев.*

ватория Ватикана. Она оснащена вполне современным оборудованием и ведет исследования в сотрудничестве с университетом Аризоны. Я искренне упивался мыслями о том, что буду заниматься по-настоящему величественным делом — чем-то, связанным одновременно и с Богом, и с космосом. Можно ли мечтать о чем-то большем? Я намеревался познавать тайны самого неба.

Я лелеял мечту стать астрономом-священником несколько лет — в начальных классах школы, а потом и в средних. Я учился в Латинской школе Индианаполиса, готовившей мальчиков к семинарии. Таким образом, церковь дала мне первоклассное классическое образование, которое в любой частной средней школе на восточном побережье стоило бы целого состояния. Помимо стандартной программы — английский, история, алгебра, биология и физика — я изучал также латынь, риторику и григорианское пение. После окончания средней школы я поступил в христианский колледж монахов-бенедиктинцев при монастыре святого Мейнрада, расположившегося среди покатых холмов на юге Индианы. Среди облаченных в черные одеяния монахов мне порой казалось, что я попал в средневековье, — особенно серыми задумчивыми зимними вечерами, когда мы все, нарядившись в рясы с пасторскими воротничками, собирались на мессу и пели древние песнопения, сдобренные бесконечными «Господи, помилуй»... *Requiem aeternam, dona eis, Domine**. Ну точно средневековье.

* «Вечный покой даруй им, Господи» — начальные слова католической заупокойной молитвы.

Однако в семинарии я отучился всего лишь год. С первого же дня пребывания там меня постоянно манило совсем другое будущее и другой образ жизни (в частности, подразумевающий тесное общение с девушками), мешая перенять спокойное и замкнутое мировоззрение обитателей монастыря. И конечно же, мне казалось, что в нашем высокотехнологичном мире математические расчеты намного нужнее молитв. Мне было восемнадцать, когда я отказался от священнической половинки моей давней мечты.

Однако вторую ее половину я реализовал в полной мере, став профессиональным астрономом. На этом поприще я сделал весьма успешную карьеру. Занимался исследованиями в США и Европе. Много раз подавал заявки на использование драгоценных орбитальных телескопов *NASA* — и выигрывал. Написал уйму научных работ. Председательствовал на международных конференциях. Работал научным редактором в престижном астрофизическом журнале. Рецензировал разработки, поданные в национальный научный фонд. Читал лекции... и так далее.

Из монастыря в астрофизики

Мое превращение из потенциального архиепископа в астрофизика произошло летом, через год после вступления в семинарию. Это было очень запоминающееся время. Время убийства Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга-младшего. Время, когда страна раскололась на почве войны во Вьетнаме и напряженной до трагизма предвыборной кампании. Но в то же

время мы наконец дотянулись до Луны. 20 июля 1969 года лунный модуль корабля «Аполлон» совершил успешную посадку на поверхности спутника нашей планеты. Это был поворотный пункт в развитии человеческой цивилизации, — во всяком случае, нам так казалось. И когда нам удавалось абстрагироваться от хаоса, царившего на поверхности планеты, устремленность человека в космос, к иным мирам выглядела очень и очень многообещающей.

Менее двенадцати лет прошло со времени запуска примитивного спутника (и со времен ракеты База Корри, где все управление осуществлялось при помощи одного-единственного рычага) до высадки человека на Луну. И мало кто сомневался, что еще через двенадцать лет астронавты уже будут бродить по Марсу. Вот так мне все это представлялось, когда я решил сменить духовный мир семинарии в монастыре святого Мейнрада (и перспективу стать архиепископом) на мир науки — и поступил в университет Индианы на отделение астрофизики. На карте Индианы видно, что от монастыря святого Мейнрада до университета Индианы каких-нибудь сто миль по автостраде, однако мне казалось, что их разделяет сотня световых лет.

На втором году обучения я научился пользоваться телескопом и делать снимки звездного неба (на нашей учебно-практической базе при обсерватории в Кирквуде). Я глубоко занялся физикой и ее применением в астрономии. Всерьез взялся изучать звезды, галактики, планетарные туманности, межзвездную

среду и т. д. Очень скоро монастырская семинария и перспектива стать священником превратились в далекое и скучное воспоминание.

Завершив обучение в университете Индианы, я поступил в аспирантуру при университете Висконсина в Мэдисоне (специализация — астрономия и астрофизика). Университет Висконсина входил в десятку учебных заведений страны, где были наиболее сильные кафедры астрономии и астрофизики. Как раз в те времена этот университет начал крупное исследование с использованием орбитальной астрономической обсерватории NASA. А еще в Мэдисоне варят очень пристойное пиво.

В Висконсине была интенсивная программа астрономических исследований, позволившая мне защитить докторскую степень уже в двадцатипятилетнем возрасте. Моя докторская диссертация была посвящена *лучистому переносу* — математическому описанию того, каким образом свет и другие электромагнитные излучения проходят из недр звезды на поверхность, чтобы вырваться в космос. Такого рода исследования подразумевают использование мощнейших компьютеров вроде тех, что работают в Лос-Аламосе или Ливерморе — научных центрах, тесно связанных с разработкой ядерного оружия. Поскольку подобная работа меня не слишком увлекала, я начал понемногу отдаляться от этой темы, которая стала казаться мне слишком узкой и громоздкой — больно уж много приходилось заниматься тем, что ученые называют «перемаливанием цифр».

Осмысленная вселенная

Нигилизм редукционистской науки и вздорное сектантство догматических религий — расходящиеся пути, приведшие в конечном счете к одинаково плачевным результатам. А я утверждаю, что мост через огромную интеллектуальную пропасть, разделяющую эти пути, существует.

Исаак Ньютон, чьи открытия изменили мир и положили начало тому интеллектуальному расколу, который мы наблюдаем сейчас, сам работал в мире, где интеллект и дух были едины. Майкл Уайт в своей книге «Исаак Ньютон: последний чародей» пишет: «Ключом к научным открытиям Ньютона стали исследования в области алхимии. Его алхимическая и научная работа были тесно переплетены». Ведь именно духовные исследования Ньютона, о которых он оставил более миллиона записанных слов, привели к такому эпохальному событию, как формулировка закона гравитации.

Ньютон ненамеренно отклонил движение западной цивилизации прочь от духовности — на путь науки и технологии, которым мы сейчас и идем. Однако возникает ощущение, что мы оказались на пороге новых

областей научного исследования и они опять выведут нас на духовный путь. Это не будет дорога назад к наивной духовности. Мы зашли слишком далеко, чтобы отказаться от своих знаний о природе и о материальном мире. Это совсем новый путь, ведущий к духовной мудрости по дороге, вымощенной научным знанием.

Как бывает поляризован сам свет, так и мир. Некоторые люди, глядя вокруг, видят во всем величие Бога — начиная с полевых цветов и летнего солнышка и заканчивая звездами в черноте ночного неба. А кто-то видит в мире лишь трагедии и религиозные распри, покончить с которыми можно только в том случае, если оставить старые предрассудки позади. Несомненно, в истории религий было много неприглядного. Инквизиция, джихад, мерзавцы на священных престолах, террористы, доведшие себя верой до безумия, — человечество умеет обращать самые благородные идеи в ужасные злодеяния.

Одним из самых чудовищно жестоких общественных институтов в истории человечества была инквизиция — когда служители католической церкви именем Христа практиковали омерзительные пытки и убийства. И вот на фоне той исторической трагедии и религиозных извращений, в которых участвовали многие и многие религиозные лидеры, у некоторых людей возникает симпатия к противоположной стороне — к редуccionистской материалистической культуре. Когда верующие упорно убивают друг друга с именем Господа на устах и устраивают в застенках инквизиции допросы, от которых стошнило бы самого дьявола, от-

каз от концепции о мстительном божестве выглядит как разумный шаг — путь к выходу из «темных веков». И нет ничего удивительного, что после этого наука говорит религии: «Не допустим!»

Однако ныне цивилизация не меньше страдает от необузданного ненасытного материализма, чем когда-то от религиозного фанатизма и нетерпимости. В современном потребительском технологически сориентированном американском обществе насилие стало делом привычным и рутинным, и оно по большей части не является результатом религиозной розни. Оно — результат дегенеративной системы ценностей, когда погоня за прибылью и удовольствиями неуклонно вытесняет любые коллективные представления об этике и морали. Можно ли удивляться тому, что этика, лишенная религиозной основы, не может долго противостоять доминирующей в западном обществе материалистической ориентации на немедленное и неразборчивое удовлетворение своих капризов?

Хотя, несомненно, в мире есть ученые, придерживающиеся тех или иных духовных верований, де факто в современной науке царит жесткая догма: физический мир, состоящий из материи и энергии, — это все, что есть, и все, что может быть. Все, что мы видим вокруг, и все, что мы думаем или чувствуем, можно объяснить в терминах физики, химии, биологии или генетики. А любое духовное знание — не более чем устаревшая мифология и предрассудки.

Такой негативный и даже враждебный взгляд на духовность воспринимается очень многими учеными едва ли не как самоочевидный. Фактически, стоит

в академическом кругу вслух допустить существование Бога и сверхъестественных царств, как тебя окрестят «еретиком» и «безумцем». Красота небес и потрясающее совершенство мироздания сегодня уже не воспринимается как свидетельство Божественной осмысленности. Теперь все эти красоты служат лишь подтверждением инертных законов физики частиц, как она сформулирована в «стандартной модели».

«Эта экзистенциальная установка — согласно которой в человеческой жизни нет смысла помимо того, что человек вкладывает в нее сам, — превратилась в лейтмотив современной науки, — отмечает физик Пол Дэвис, придерживающийся в корне иных, очень глубоких взглядов на эти вопросы. — И эта установка, — продолжает Дэвис в своей книге «Разум Бога», — низводит нас до положения «случайных и бессмысленных участников равнодушной космической драмы».

А еще несколько десятилетий назад дела обстояли не так. Для примера сравните популярные книги, заполняющие ныне полки книжных магазинов, где светила науки стараются объяснить происхождение Вселенной и природу реальности сугубо в физических терминах, с работами самого выдающегося астрофизика первой половины XX века, сэра Артура Эддингтона.

Изучая на одном из старших курсов университета книгу Эддингтона «Математическая теория относительности», я услышал такую историю о нем. Когда только-только была разработана общая теория относительности, кто-то спросил у Эддингтона, правда ли, что эту теорию понимают только три человека на свете. Артур поразмыслил и ответил, что ему известны

только двое: он сам и Эйнштейн. Эддингтон был одним из создателей современной космологии, он же заложил основы изучения строения звезд — два очень разных научных достижения, каждое из которых само по себе принесло бы ученому мировую славу и признание.

Сэр Артур Эддингтон, профессор астрономии в Кембриджском университете, президент Королевского астрономического общества и автор нескольких фундаментальных книг, был, вне всяких сомнений, одним из ведущих ученых своего времени. А еще *он был мистиком*. Принадлежал к церкви квакеров. Обладая способностью каким-то образом заглядывать в мир духовный, Эддингтон вынес оттуда заключение, что материальная физическая реальность является порождением духовных сил и разума. Он очень красноречиво говорил об этом во время своей лекции в Суортморском колледже, которая была опубликована в 1929 году под названием «Наука и незримые миры».

Научные исследования не могут давать нам ориентиры в сферах, лежащих за пределами мира науки. Поиски научных ответов уместны только относительно чувственных ощущений — которые тесно связаны с движениями духа и представляют собой важную часть нашего сознания. А в остальном человеческий дух должен обращаться в незримый мир, ибо именно ему он принадлежит.

И Эддингтон был не одинок. Его современник, сэр Джеймс Джинс — тоже внесший огромный вклад в раз-

витие современной астрофизики, — писал о существовании нематериальной реальности, которая пребывает в определенных взаимоотношениях с миром материи. «Концепции, которые ныне играют фундаментальную роль в нашем понимании природы, — пишет Джинс в книге «Загадочная Вселенная», — видятся мне структурами из чистой мысли... Вселенная все больше представляется нам похожей на великую мысль, чем на огромную машину». Идея о том, что физический мир представляет собой «великую мысль», — это действительно центральная концепция эзотерической мудрости.

Эзотерическое и эзотерическое знание

Артур Эддингтон писал:

Кто-то поставит вопрос таким образом: «Реален ли незримый мир, о котором говорят мистики?» Реальность — это одно из тех смутных слов, которые легко становятся причиной бесконечных философских споров и разногласий. Поэтому будет меньше повода для непонимания, если мы сформулируем вопрос иначе: «Действительно ли мистическое мировоззрение имеет дело с непреложными фактами, почерпнутыми из опыта?» И тут ответ утвердительный. Я думаю, что люди, не желающие признавать ничего, кроме результатов научных наблюдений и замеров, осуществленных посредством наших чувствен-

ных органов, тем самым просто закрывают глаза на один из самых важных фактов человеческого опыта: восприятие и обработка чувственных образов — не единственная и даже не первостепенная функция сознания.

Однако, если мы решаем исследовать духовный взгляд на мир, каким путем нам нужно идти? Разве взгляды индуистов не противоречат взглядам христиан, буддистов или иудеев? Разве нирвана не отличается от рая, как день от ночи? Нет сомнений в том, что учения крупнейших религий мира противоречат друг другу. Однако ответ нужно искать не в явных публичных верованиях и догмах этих религий.

Нам следует различать духовность и религиозность, как мы различаем законы природы и законы того или иного общества. Если религиозные практики неизбежно привязаны к культуре, то духовные законы — как и законы природы — относятся к более высокому порядку. Они *сверхъестественны* в самом прямом смысле этого слова. Разовьем аналогию: в разных странах законы могут весьма сильно различаться, но законы природы остаются одними и теми же. Точно так же религии могут быть совсем друг на друга не похожи, но глубочайшая духовная истина по определению универсальна.

Наука вполне может предложить религии очень полезный дар — умение принимать различные формулировки одной и той же истины. В науке одну и ту же задачу можно решать разными путями — и пути эти друг друга дополняют. (Рискуя, что мои приме-

ры окажутся понятны только физикам, упомяну, что Шрёдингер представил законы квантовой физики как волновые функции, а Гейзенберг их же представил в виде матриц; динамика Ньютона основана на представлении о силах, а динамика Гамильтона работает только с энергиями.) Официальным религиям есть чему поучиться.

В мире политики и в мире экономики существуют некие силы или индивидуумы, которые влияют на события из-за кулис. Из сотни самых богатых людей мира лишь немногие известны широкой публике. И я тут не строю никаких конспирологических теорий — речь идет всего лишь о личных контактах и связях, а не о зловещих тайных обществах.

Закулисный мир можно было бы назвать скрытым, но только в ограниченном смысле: если ты хочешь идентифицировать игроков и взаимоотношения, тебе просто нужно исследовать вещи, которые не лежат на поверхности. Большая часть такой информации на самом деле не скрыта — ее можно получить, анализируя публичные источники: список мультимиллиардеров в журнале *Forbes*, списки «Кто есть кто», доступные в любой библиотеке и т. п. Сила и влияние членов совета директоров любой мультинациональной корпорации очень велики, но поскольку имена этих людей часто не на слуху, большинству людей о них ничего не известно. Плащ и кинжал вам совсем не нужны, навыки поиска в библиотеках и в Интернете дают человеку отличную возможность глубже понять, как в действительности функционирует политика или экономика на том или ином уровне.